

Elai Noman

**По
праву
крови**

18+

Elai Noman

По праву крови

«Автор»

2026

Noman E.

По праву крови / Е. Noman — «Автор», 2026

Ты — последний отпрыск древнего рода, у твоих ног лишь долги, а в зеркале — усталый циник. Когда друг предлагает тебе соблазнить старую маркизу ради её богатства, ты соглашаешься, потому что терять нечего. Но в её особняке пахнет тлением, а её золотые глаза смотрят так, будто она искала тебя веками. Вместо брака ты получаешь булавку с сапфиром, которая впивается в твою душу — и становится якорем, приковавшим тебя к ней. Теперь ты пленник в её мире, и единственный способ вырваться — найти артефакт, способный разорвать любые узы. Ты ищешь выход, пересекая страны и континенты. Встречаешь человека, ради которого готов умереть. Но готов ли ты узнать, кто ты на самом деле, и какую цену придётся заплатить за свободу?

© Noman E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Elai Noman

По праву крови

Глава

Глава 1. Право крови и прах бывшего

Англия, графство Девоншир, октябрь 1798 года.

Алэн.

Холод. Это первое, что я ощущаю, прежде чем успеваю открыть глаза. Он не просто в воздухе; он вьется в самые камни этого дома. Он просачивается сквозь трещины в стенах, впитывается в кости из сырых простыней и пьет последнее тепло из очага, давно остывшего. Я лежу бездвижно, вглядываясь в потолок, где темные узоры плесени складываются в карту всех моих неудач.

Поместье Винсентов. Некогда гордое имя Пери стало синонимом нищеты, тщательно скрытой под тонким слоем приличий, истончившимся до прозрачности. Я, Алэн Винсент Пери, последний отпрыск этого славного рода, проснулся сегодня в родовой спальне, где от бывшего великолепия осталась лишь огромная, прогнувшаяся посередине кровать да портрет усатого прадеда на стене. Его масляные глаза, холодные и надменные, следят за мной с немой упрямой. «До чего ты докатился, мальчишка? Куда канула наша кровь?» — словно говорит он.

Я поднимаюсь со скрипом, который издают не только половицы, но и мои кости. Пол ледяной, даже старый персидский ковер, истертый до основания, не спасает. Подхожу к треснувшему трюмо — единственному уцелевшему зеркалу в целой анфиладе комнат. В его мутной глубине на меня смотрит призрак. Светлые, почти льняные волосы, растрепанные сном. Голубые глаза, которые миссис Хопкинс, наша экономка, когда-то называла «небесными», теперь подернуты дымкой усталого цинизма. Черты лица — резкие, «высеченные», как говаривали поклонники, — казались бы благородными, не будь они отмечены печатью вечного, легкого презрения. Я оскаливаюсь своему отражению. Улыбка получается ослепительной, но пустой. Последний мой капитал, выставленный на продажу.

Одеваюсь в свой лучший, хоть и поношенный, фрак. Льняная рубашка груба, но бела — за этим миссис Хопкинс следит с фанатизмом инквизитора. Она — последний бастион этого дома, последний слуга, держащийся не за жалование, а за прах моих предков.

Спускаюсь в столовую. Запах влажной древесины, старой пыли и тления. Длинный дубовый стол, за которым когда-то собиралась шумная семья, теперь застелен для одного. Серебряные подсвечники потускнели, фамильный герб на каминной доске покрыт паутиной. Великий пожар девяносто восьмого года забрал у меня не только отца, мать и сестру. Он выжег душу из этого места, оставив лишь обугленный остов былой славы и долги. О, да, долги. Они витают здесь, гуще осеннего тумана, незримые призраки, терзающие меня куда вернее, чем любая болезнь.

«Утро, сэр Алэн», — голос миссис Хопкинс вырывает меня из мрачных дум. Она ставит передо мной чашку жидкого чая и кусок хлеба. Этот скудный завтрак стоит ее последних грошей.

«Прекрасное утро, миссис Хопкинс», — отвечаю я, и моя улыбка на этот раз почти искренняя. Ей одной я позволял себе эту слабость.

«Вам письмо. От мистера Чарльза».

Чарльз Локвуд. Мой единственный друг, чье состояние, удачно унаследованное от отца-торговца, позволяло ему наблюдать мое падение с сочувствием, но без унижительной жалости. Беру конверт. Бумага плотная, дорогая. Чарльз никогда не забывал, что я – дворянин, даже если мой титул не стоил и бумаги, на которой он написан.

«Алэн, старина, – писал он, – заезжай сегодня в клуб. Есть кое-что интересное. Возможно, твой шанс».

Мой шанс. Я слышал это уже сто раз. Но сотый первый... отчего бы и нет? Выпиваю чай, откусываю хлеб. Пора в город.

Дорога в Лондон в старой коляске, скрипящей на каждом ухабе, – это отдельное унижение. Я смотрю на проносящиеся мимо ухоженные поместья соседей. Они избегают меня, как прокаженного. Бедность заразна. А я – ходячая эпидемия разорения.

«Белый клуб» встретил меня привычным гулом и запахом дорогого табака. Здесь, среди позолоты и бархата, моя поношенная одежда кричала громче любого слова. Но я вошел с той самой наглой улыбкой, с высоко поднятой головой. Они могут презирать мою бедность, но мое право крови – все еще единственный козырь, против которого их новые деньги бессильны.

Чарльз ждал меня в нашем углу. Полный, румяный, с вечно оживленным лицом удачливого коммерсанта.

«Алэн! Ты выглядишь... живым», — расхохотался он, хлопая меня по плечу.

«Ты всегда был мастером комплиментов, Чарльз», — опускаюсь в кресло напротив. Заказываю виски. Единственная роскошь, которую я еще мог себе позволить в этих стенах.

«Я не шучу. У меня для тебя новость. Настоящая». Он понизил голос, его глаза заблестели. «Леди Изабелла Кроули. Слышал?»

Я сделал глоток. Крепкий, обжигающий. «Вдовствующая маркиза? Та, что стара, как эти стены, и богата, как Крез?»

«Она! – Чарльз чуть не подпрыгнул. – Ей под семьдесят, Алэн. Наследников нет. Одинок. А главное...» он сделал драматическую паузу, «...падка на красивую внешность и благородные манеры. Говорят, ее последний фаворит – молодой лейтенант – получил от нее имение в Шотландии».

Я смотрел на него, медленно вращая стакан в руках. Мысль, гнусная и практичная, уже начала зреть в моей голове, подобно плесени на стенах Винсентова.

«И к чему ты ведешь, мой друг?»

«К тому, что ты – идеален, Алэн! – Чарльз уже не скрывал восторга. – Ты красив, умен, у тебя безупречные манеры и... прости... но тебе нечего терять. Ты – последний Пери. Для

таких, как она, это многое значит. Она коллекционирует аристократию, словно редкий фарфор».

Я откинулся на спинку кресла. Предложение было отвратительным. Но отвратительным именно той простой, неприкрытой правдой, которую я давно принял как данность.

«Леди Кроули... — протянул я, вспоминая. — Род, что старше Тюдоров. Говорили, сам Генрих VIII советовался с их предком. И поговаривают... — я усмехнулся, — ...поговаривают, не совсем обычные советы он давал. В детской я слышал шепотки о колдовстве в их роду. Слуги любят такие сказки».

«Тем лучше! — воскликнул Чарльз, не видя в моих словах ничего, кроме пикантной детали. — Загадочность! Древность! Это лишь подогреет ее интерес. Что тебе стоит? Немного внимания, несколько комплиментов. Она стара, Алэн. Ей осталось недолго. А ты... ты получишь все. Ее состояние сможет отстроить Винсентов заново. Ты вернешь себе все».

Я смотрел на огонь в камине. Вспоминал холод своей спальни. Упрекающий взгляд прадеда. Вечное, всепоглощающее чувство дна под ногами. Любовь? Я не верил в любовь. Это была причуда для богатых, которые могли себе позволить такие сантименты. Честь? Ее я похоронил вместе с родителями. Оставалась лишь холодная, неумолимая арифметика выживания.

«Она уродлива?» — спросил я, все так же глядя в огонь.

«Стара, мой друг. Очень стара. Но у нее безупречный вкус... в молодых людях».

Я допил виски. Жидкое мужество разлилось теплом по желудку, но внутри оставалась ледяная пустота. Я посмотрел на Чарльза. Моя улыбка снова появилась на лице — та самая, красивая и наглая, за которой можно было спрятать последние остатки стыда.

«Что ж, — сказал я, и голос мой прозвучал странно отрешенно. — Похоже, мне пора нанести визит старой даме. Наше дело — предложение. Ее — спрос. А право крови... — Я поймал свое отражение в зеркале, призрака в позолоте рамы. — ... должно быть пущено в оборот. Напиши ей, Чарльз. Представь меня... представь меня достойным ее внимания».

Я вышел из клуба с ощущением пустоты, пронзившей меня насквозь. Небо над Лондоном было свинцовым. Я продавал себя. Но разве брак по расчету — не та же продажа? Я лишь отбросил последние иллюзии, последние лоскуты бархатной портьеры, скрывавшей неприглядную правду этого мира.

Я шел по улице, и мне казалось, что все прохожие видят клеймо на моем лбу. Но мне было почти все равно. Холод Винсентова был куда страшнее. А впереди, в будущем, мерцал огонек — огонек богатства, тепла и избавления от этого вечного, точищего дна унижения.

Леди Изабелла Кроули. Старая, богатая маркиза со странной репутацией.
Мой билет из ада.

Дневник Алэна Пери: запись от XX. XX. XXXX «Утро. Великолепно. Проснулся в том же бархатном гробу, что и вчера. Прах предков щекочет ноздри. Миссис Хопкинс подала чай — по вкусу напоминает воду, в которой полоскали вчерашние носки. Чарльз предлагает стать

альфонсом при старой карге. Что ж, карьера дипломата у меня не сложилась, зато открываются новые горизонты в сфере интимных услуг для пожилых дам. Надо же, а я всё думал, куда деть свою аристократическую внешность. Право крови, будь ты проклято. Хотя нет, именно им я и буду торговать.»

Глава 2. Ткач и шепот

Алэн вышел из «Белого клуба» с чувством, будто заключил сделку с дьяволом и остался доволен условиями. По его жилам струилась гремучая смесь отвращения к себе и лихорадочной надежды. Он продавал себя, да. Но разве его предки не поступали так же, выдавая дочерей за дряхлых соседей ради клочка земли? Он лишь был честнее. Брал то, что причиталось ему по праву — красоте, уму, имени. Он шел по улице, не подозревая, что на его лбу уже проступила невидимая печать жертвы, приведенной на алтарь.

Чарльз Локвуд остался в клубе, наблюдая из окна, как фигура его друга растворяется в вечерней толпе. Его собственное румяное, оживленное лицо постепенно застывало, словно восковая маска, стекающая с огня. Когда его лакированная карета бесшумно тронулась с места, в ее бархатной полутьме не осталось и следа от шумного фасада. Он сидел неподвижно, и лишь пальцы в безупречных лайковых перчатках временами совершали короткие, отточенные движения, будто перебирая невидимые нити. Его мысли были далеко...

Чарльз отхлебнул виски, но напиток не мог смыть горький привкус, подступавший к горлу. Этот молодой Пери... такой самоуверенный, такой живой. Он не знал, что стал всего лишь очередной пешкой в их многовековой игре.

Перед его глазами поплыл знакомый, ненавистный образ. Кабинет лора. Тот сидел, откинувшись в кресле, его лицо было бесстрастным.

«Она представляет угрозу для репутации семьи, Локвуд. И этот ребёнок... он её крови. Реши вопрос. Окончательно. Пусть все думают, что это несчастный случай. Пожар в старом поместье — дело обычное».

Чарльз помнил, как холодели его пальцы, сжимающие эфес шпаги. Он был солдатом, привыкшим подчиняться приказам. Но это...

А потом — та комната. Дым, евший глаза. Кричащая женищина, прижимающая к груди ребёнка. Её глаза — полные такого отчаяния и доверия, что у него перехватило дыхание. Он должен был выполнить приказ. Но когда он потянулся, чтобы забрать мальчика, его рука дрогнула. В этот миг раздался оглушительный грохот, и потолок между ними рухнул, навсегда похоронив под обломками и пламенем всё, что могло бы быть.

Он вытащил её, обезумевшую, из огня. Она билась в его руках, кричала, проклинала. А он молчал, неся в себе тяжесть самого страшного предательства — не перед своим лордом, а перед самой человечностью. Он спас женищину, но обрек её на вечные муки. И теперь расплачивался за тот миг слабости...

Карета свернула с оживленной Хеймаркет в лабиринт немощеных переулков, где свет газовых рожков казался выцветшим и больным. Она остановилась у ничем не примечательной двери, скрытой в глубокой тени. Дверь открылась беззвучно. В проеме стоял мужчина в строгом темном ливрее. Его движения были плавными, экономичными, а взгляд — пустым, как у стеклянного глаза.

«Она в зимнем саду», — произнес слуга, и его голос прозвучал глухо, будто доносился из-за толстой стены.

Чарльз кивнул, не глядя на него, и прошел внутрь. Воздух в особняке был густым и тягучим, пропахшим увядающими орхидеями, старой пылью и чем-то сладковато-тревожным, как запах гниющего меда. Вдоль стен стояли витрины, наполненные диковинным хламом: скелеты птиц, манускрипты, испещренные знаками, от которых слезились глаза, засушенные ящерицы, сращенные с крыльями летучих мышей.

Зимний сад под стеклянным куполом был оазисом буйной, неестественной жизни. Лианы с алыми, похожими на свежие раны цветами душили мраморные колонны. В центре этого искусственного Эдема, в тропическом полусумраке, сидела в плетеном кресле леди Изабелла Кроули. Ее темно-лиловое платье сливалось с сумерками. Руки, иссохшие и униженные тяжелыми кольцами, лежали на подлокотниках. Но ее взгляд был молодым, острым и всевидящим.

«Ну что, мой верный Ткач? — ее голос был низким, бархатным, с хрипотцой старого пергамента. — Новая нить для моего полотна?»

Чарльз остановился на почтительном расстоянии, сняв шляпу. Его собственная неестественная статичность сменилась почтительным замиранием.

«Всё идет по плану, моя леди. Алэн Пери. Горд. Циничен. Отчаянно жаждет вырваться из нищеты. Идеальная основа».

Внезапно воздух перед Изабеллой задрожал, словно от зноя. За секунду дрожь сгустилась в полупрозрачный, мерцающий силуэт — призрачный двойник Чарльза, который повторил его последние слова беззвучным движением губ. Это была аватар — проекция, вытянутая непосредственно из его памяти для проверки.

Её золотые глаза, лишённые зрачков, холодно скользнули по аватару. Ничего. Никакого отклика. Очередной кусок мяса с яркой аурой.

Тьма сгущалась над свежей могилой, впитывая последние краски дня. Она стояла на коленях в грязи, не чувствуя холода, не чувствуя ничего, кроме ледяной, всепоглощающей пустоты, что выжгла в ней всё — слёзы, молитвы, саму способность страдать. Вместо этого внутри бушевала ярость, тихая и бездонная, как сама ночь.

Она больше не молилась. Она проклинала. Её шёпот, сорвавшийся на хриплый шёпот, был обращён не к небесам, а в никуда, в безразличную пустоту мира, позволившего этому случиться. «Где вы были? — спрашивала она силы, в которые когда-то верила. — Где были все ваши светлые лики, когда плоть моего мальчика обугливалась в огне? Он звал меня!»

Она вскинула голову, сжимая в онемевших пальцах комья холодной земли. Последние остатки веры рухнули, и на их месте родилась твёрдая, как сталь, решимость. «Я больше не прошу, — прошептала она, и в голосе её зазвучала железная воля. — Я требую. Дай мне силу. Не для смирения, не для прощения. Дай мне силу, чтобы перевернуть всю землю, вырвать его душу из самой тьмы! Я всё отдам! Всё, что во мне осталось! Мою память о его улыбке, мою боль, мою любовь! Всё это теперь лишь пепел. Бери!»

И мир ответил. Не светом, а холодом, исходящим из самой земли. Воздух застыл, и в наступившей тишине она услышала голос. Он возник не извне, а внутри её собственного черепа, и звучал как шелест высохших листьев и скрежет камня. «Молитва — это лишь

шепот, — сказал голос. — А твоё проклятие... это рёв. Он слышен за гранью миров. Он восхитителен».

Она сорвала с шеи крестик и швырнула его в темноту. «Что тебе надо?»

«Ты уже предложила цену, — отозвался голос. — Твою человечность. Твою память. Твою любовь. Я принимаю. Но знай, мать... душа, которую ты ищешь, уже не помнит имени, что ты дала. Ты отдаёшь мне свои глаза, что видели его. Ты отдаёшь мне своё сердце, что билось для него. Ты будешь искать того, кого не сможешь узнать. В этом — твоё служение. В этом — твоё наказание им».

Тьма, холодная и плотная, как смола, поднялась из-под земли. Она не окружала её — она впитывалась в кожу, вливается в душу, выжигая изнутри всё, что было ею. Она не кричала. Она приняла это с открытыми глазами, полыми от отчаяния, наблюдая, как её прошлое, её боль, её самая суть превращаются в пепел.

Когда всё закончилось, на холме стояла женщина. Её глаза, некогда полные жизни, сияли холодным золотом. Она смотрела на могилу, и на её лице не было ни боли, ни печали. Лишь пустота и стальная решимость. «Я обещаю, — прошептала она в ночь. Это была уже не мольба, а клятва, данная самой себе. — Найду! ».

Она снова в гостинной. Безразлично отводит взгляд от аватара. "Следующий".

Изабелла изучала дрожащий образ несколько секунд, а затем махнула рукой. Силуэт растаял.

«Опиши фактуру», — приказала она, ее пальцы с длинными ногтями слегка постучали по ручке кресла.

«Светлые волосы. Глаза... цвета зимнего неба. Черты резкие. Улыбка острая. Много жизненной силы в узор его души. Много гордости в основе».

Уголки губ Изабеллы дрогнули. Она медленно поднялась и подошла к экзотическому кусту, дотронувшись до плотного бутона. Тот тут же распустился у нее под пальцами, обнажая лепестки цвета запекшейся крови.

«Жизненная сила... Это лучшая краска. Она так ярко горит. А гордость... О, мы сотрем из нее такой унижительный узор». Она обернулась к Чарльзу. «Он подозревает о станке?»

«Ни на йоту. Видит в этом лишь выгодную светскую партию».

«Безупречно. Ткач, ты искусен. Напоминаю, какая награда тебя ждет за этот моток пряжи?»

Локвуд потупил взгляд, и в его голосе впервые прозвучала трещина, тонкая, как паутинка на стекле. «Отсрочка. Еще десять лет до... пересмотра условий моего контракта». Он не сказал «расплаты», но это слово повисло в густом воздухе между ними.

«Верно, — проскрипела она. — Десять лет, пока ты будешь поставлять мне качественных носителей. Назначь встречу. Через три дня. Я приму его на ужин».

Чарльз почтительно поклонился и, получив кивок, развернулся, чтобы уйти. На пороге зимнего сада он на мгновение остановился, услышав ее тихий, вкрадчивый голос, похожий на шелест ядовитых лепестков:

«И, Ткач... Позаботься, чтобы в салонах пошли нужные шепотки. Ты знаешь, какие именно».

«Как всегда, моя леди. Узор будет передан».

На следующий день, в салоне леди Олдершоу, царило обычное оживленное чаепитие. Дамы в кринолинах, словно пёстрые птицы, перешептывались за фарфоровыми чашками. Именно здесь и рождались те самые «нужные шепотки».

«Милледи, вы слышали? — обратилась к хозяйке бледная дама с глазами-бусинками. — Говорят, молодой Пери попал на кончик иглы к... ней».

Леди Олдершоу многозначительно вздохнула. «Ах, бедный мальчик. У неё, знаете ли, дурной глаз. Помните молодого лорда Эштона? Ослепительно красивый был юноша. Стал её протеже, а через полгода... ниточка оборвалась. Словно его вырезали из картины и сожгли».

«Или не сожгли... — таинственно прошептала первая дама. — Говорят, в её особняке есть комната, где она хранит своих... коллекционных кукол. Живых и неживых одновременно».

Сплетни текли, как яд, вплетая имя Алэна в узор городского фольклора. Никто не говорил ничего прямо, но каждый понимал: быть замеченным леди Кроули — все равно что стать персонажем на старинном гобелене, чью судьбу уже выткали до конца.

В это же самое время Алэн, не подозревая, что стал всего лишь очередной нитью в чужом полотне, примерял в своей убогой комнате единственный приличный сюртук. Он смотрел в треснувшее зеркало, отрабатывая улыбку. Он думал о богатстве, о тепле, о возвращенном статусе. Он видел себя хитрым героем.

Он не знал, что сам уже стал частью узора. И что хозяйка станка, поправляя лепестки цветка, который не должен был цвести еще сто лет, ждала его. Ждала, чтобы начать вышивать его жизнь в свою новую, ужасающую картину, последним стежком в которой должно было стать его безмолвие.

Глава 3. Шёлк и пепел

Миссис Хопкинс знала. Она видела, как молодой хозяин вернулся накануне — не с пьяным бахвальством, а с остекленевшим блеском в глазах, что бывает у человека, поставившего на кон свою душу. И теперь, готовя ему ванну, она молча наблюдала, как он, стоя у окна в поношенном халате, смотрит на заросший бурьяном сад. Но взгляд его был устремлен куда-то далеко, в туманное будущее, которое он себе уготовил.

«Погода сегодня скверная, сэр Алэн, — нарушила она молчание, выливая в таз ведро горячей воды. — Туман с Темзы совсем густой. Не отложить ли визит?»

Алэн обернулся. Его улыбка была той самой, красивой и наглой, но сегодня в ней читалась сталь.

«Ничего, миссис Хопкинс. Некоторые дела не терпят отлагательств. Кажется, сегодня наступит тот самый день, когда дом Винсентов снова задышит».

Старая экономка промолчала, лишь качнув головой. Она-то знала цену таким «дням».

Пока Алэн брился, она принесла его лучший, хоть и затертый на локтях, фрак. «Старая маркиза Кроули... — тихо проговорила она, расправляя складки. — Говорят, у нее странный вкус. И память короткая. Особенно на тех, кто ей приглянулся».

Алэн резко повернулся, и бритва в его руке на мгновение замерла. «Что вы хотите сказать?»

«Ничего, сэр. Просто старые слуги иногда помнят то, что молодым господам знать ни к чему. Лорд Эштон, к примеру. Красавец. Исчез. Художник тот... Фаберже. Тоже сгинул. Будто их ветром сдуло». Она посмотрела на него своими выпцветшими, но пронизательными глазами. «Все они были вхожи в особняк леди Кроули».

Алэн фыркнул, с раздражением проводя бритвой по щеке. «Сплетни, миссис Хопкинс. Удел старых дев и неудачников». Но даже он сам слышал эти шепотки. На мгновение его охватила волна брезгливости. Ему, Алэну Винсенту Пери, придется целовать руку, покрытую кожей, тонкой, как паутина. Он с силой поставил бритву на стол. «Гордость — плохой советчик, когда в карманах ветер».

Особняк леди Кроули возник из тумана, словно по мановению волшебной палочки. Мрачный, готический, он подавлял своей молчаливой массой. Алэна встретил тот самый безмолвный слуга и проводил через анфиладу комнат. Воздух здесь был густым, пряным, с тем самым сладковатым запахом тления. Шепот миссис Хопкинс отозвался в его памяти, но он отогнал его прочь. «Сплетни. Только сплетни».

Двери в гостиную отворились. Комната была освещена лишь камином, отбрасывающим длинные, пляшущие тени. И в центре этой театральной обстановки, в высоком кресле, сидела она.

Леди Изабелла Кроули.

Она была одета в платье глубокого багрового цвета. Ее лицо в кружевном чепце было похоже на пожелтевшую слоновую кость. Но когда она подняла голову, и ее взгляд встретился с взглядом Алэна, у него перехватило дыхание.

Это были не глаза старой женщины. Они были яркими, невероятно живыми, цвета старого золота. И в них горел такой интеллект, такая мощь и такая бездонная, хищная глубина, что вся его заранее подготовленная уверенность мгновенно испарилась. Этот взгляд не оценивал его красоту. Он впитывал ее, изучал. В нем был голод. Древний, ненасытный голод.

Алэн замер на пороге, забыв о поклоне, о изящной фразе. Он просто смотрел в эти золотые глаза, и все его циничные планы разбились о них. Он чувствовал себя дичью, попавшей в силки.

Он сделал безупречный поклон. «Леди Кроули. Для меня честь».

Изабелла медленно протянула ему руку. Кольца холодно блеснули. «Подойдите ближе, мальчик мой. Дайте на вас посмотреть.»

Алэн приблизился и, склонившись, коснулся губами ее пальцев. Кожа была сухой и прохладной, как пергамент.

«Чарльз не солгал, — продолжила она, не отпуская его руку. — Вы — воплощение утраченной элегантности. Но красота — это лишь обложка. Меня интересует содержание.»

Она отпустила его и жестом подозвала слугу, который принес небольшой хрустальный шар на серебряной подставке. Шар был идеально прозрачным и мерцал в свете камина.

«Давайте посмотрим, что скрывает эта изящная оболочка. Вашу руку, Алэн.»

Ее тон не предполагал возражений. Алэн, ошеломленный, протянул руку. Пальцы Изабеллы с длинными острыми ногтями сжали его запястье. Прикосновение было обжигающе-холодным.

«Кровь — это голос души, — прошептала она, и ее глаза закатились, обнажив молочно-белые белки. — Позвольте мне услышать вашу песню.»

Она провела ногтем по его ладони. Алэн вскрикнул от неожиданной, острой боли. Капля крови выступила и, словно живая, скатилась на поверхность хрустального шара. Внутри шара за клубился туман. Изабелла пристально смотрела в него, ее лицо исказилось гримасой концентрации.

«Да... О, да... — бормотала она. — Какая яркая агония. Какая гордая, несломленная воля. И такой гнев... такой вкусный, чистый гнев.» Она облизнула пересохшие губы. «Вы идеальны. Не просто сосуд, а... заготовка.»

Алэн попытался вырвать руку, но ее хватка оказалась стальной. «Что вы делаете? Пустите!»

В ту же секунду дверь в гостиную с глухим стуком захлопнулась сама собой. Тени в углах комнаты сгустились и зашевелились.

«Тише, дитя мое, — ее голос потерял слащавые нотки и стал сухим и острым, как лезвие. — Сопротивление лишь подчеркивает качество материала.»

Она отпустила его. Алэн отшатнулся, зажав пораненную ладонь. Кровь сочилась сквозь пальцы.

«Теперь знак нашего договора, — сказала Изабелла, доставая из складок платья футляр. Внутри лежала золотая булавка для галстука с крупным, темным сапфиром. — Носите его. Всегда.»

Она протянула булавку. Алэн, все еще опьяненный страхом и яростью, скомкал в кармане носовой платок, прижимая его к ране.

«Нет. Я... я отказываюсь.»

На лице Изабеллы не дрогнул ни один мускул, но воздух в комнате стал тяжелым и спертым. «Вы ошибаетесь, думая, что у вас есть выбор.»

Булавка в ее руке вдруг дрогнула и сорвалась с бархатной подушки. Она зависла в воздухе на мгновение, а затем, с легким шелестящим звуком, метнулась к Алэну. Тот инстинктивно отпрянул, но золотая игла, словно ведомая незримой рукой, вонзилась в ткань его галстука, чуть ниже кадыка. Холодок от металла прошел сквозь ткань и кожу, заставив его вздрогнуть.

Он схватился за булавку, чтобы сорвать ее, но едва пальцы коснулись металла, в висках ударила острая, ослепляющая боль. Он услышал внутри собственного черепа тихий, безжалостный голос: «Попробуй.»

Алэн застыл, парализованный. Он стоял, тяжело дыша, сжимая в одной руке окровавленный платок, а другой — неподвижно замершей на булавке. Он смотрел в золотые глаза Изабеллы и видел в них не гнев, а холодное, абсолютное торжество.

«Вот и хорошо, — сказала она, и в ее голосе снова появились бархатные, ядовитые нотки. — С этого момента вы находитесь под моей защитой. И вы мне дороги. Очень дороги.»

Он стоял, чувствуя холод сапфира у своей шеи, и смотрел в глаза своей благодетельницы. И видел в них свое отражение — маленькое, пойманное, обреченное. Петля затянулась. Не шелковая, а стальная.

Дневник Алэна: XX. XX. XXXX «Итак, я официально... украшение. С золотым шипом в груди. Она смотрела на меня так, будто я не человек, а редкий сорт сыра... Я продал не тело, а право на собственные кошмары. Браво, Алэн.»

Глава 4. Узы из сапфира и кошмара

Алэн вернулся в Винсенторов в предрассветных сумерках, чувствуя себя так, будто не несколько часов, а несколько лет провел в той душной гостиной. Он не помнил, как добрался до дома. В ушах стоял гул, а в висках пульсировала боль, исходившая от точки под челюстью, где холодный металл булавки впивался в кожу через тонкую ткань галстука.

Он замер в прихожей перед единственным уцелевшим зеркалом. Его собственное отражение казалось чужим — глаза были слишком блестящими, черты заострены нервным напряжением. Но больше всего его внимание приковывала не собственная внешность, а тот самый предмет, приколотый к его шее. Сапфир, темный и глубокий, как ночное небо без звезд, поглощал скудный свет комнаты. «Знак моего расположения». Слова Изабеллы прозвучали в его памяти, и по спине пробежал холодок.

Пальцы сами потянулись к булавке. Он попытался расстегнуть застежку, но металл будто прикипел к ткани. Он потянул сильнее, но острая, пронизывающая боль, похожая на удар током, пронзила его шею и отдалась в висках. Он услышал внутри собственного черепа тот самый безжалостный шепот: «Нельзя.»

С рычанием, полным ярости и отчаяния, он рванул булавку с такой силой, что порвал дорогой, хоть и поношенный, галстук. Золотая игла с темным сапфиром выскользнула из ткани

и упала на пол с тихим, зловещим звоном. На мгновение боль и давление исчезли. Он стоял, тяжело дыша, глядя на лежащую на полу булавку, чувствуя себя победителем.

Но триумф длился недолго. Почти сразу же его охватила странная, всепоглощающая тревога. Сердце забилося чаще, в груди возникла тягостная пустота, а по телу разлилась слабость, словно он внезапно заболел. Его взгляд снова и снова возвращался к булавке. Она лежала там, мерцая в полумраке, и с каждой секундой желание поднять ее и снова надеть становилось все нестерпимее, физиологичнее. Это была не просто психологическая тяга — это было ощущение голода, жажды, потребность дышать.

С проклятием, обращенным к самому себе, он наклонился и поднял булавку. Металл снова был ледяным. Дрожащими руками он приколол ее к манишке, прямо на кожу. Щёлкнула застёжка. И тут же, как по волшебству, тягостное напряжение исчезло. Дыхание выровнялось, слабость отступила. Мысль о леди Кроули уже не вызывала тошнотворного спазма, а казалась разумной, почти приятной. «Она моя покровительница. Она желает мне добра». Эта мысль пришла в голову сама собой, словно её кто-то вложил.

С этого дня жизнь Алэна начала меняться с головокружительной скоростью. На следующее утро, выйдя из дома, он буквально споткнулся о полузасыпанную грязью золотую гинейю. Через день на него на улице «случайно» вышел давний знакомый его отца, который вдруг вспомнил о невыплаченном старом долге и вручил ему кошелёк с монетами. На третий день, разбирая завалы на чердаке, он нашёл небольшой сундук, о котором все забыли после пожара; внутри лежали фамильные серебряные приборы.

Двери, прежде наглухо закрытые, стали распахиваться перед ним. Его приглашали в лучшие дома, с ним искали знакомства. Деньги, пусть пока и не огромные, но стабильные, текли к нему рекой. Он смог оплатить самые назойливые долги, купить дров, чтобы наконец-то протопить залы, и даже нанять пару слуг, чтобы помочь старой миссис Хопкинс.

Но за всё это приходилось платить. И платой были не только ежедневные визиты к леди Кроули, которые из пытки превратились в странную, наркотическую необходимость. Настоящей валютой были ночи.

Едва он снимал булавку — а делать это он мог теперь только перед самым сном, и то с огромным усилием воли, преодолевая физический дискомфорт, — его разум становился уязвим. И тогда на него обрушивались кошмары.

Они были разными, но всегда ужасающими. Иногда он видел себя стоящим на коленях в пещере, стены которой были сложены из спящих, безмолвных тел, а Изабелла, молодая и ослепительная, пила что-то тёмное из хрустального кубка, в который капала кровь из пореза на его руке. В другом сне он бродил по лесу, где с деревьев свисали не листья, а бледные, безжизненные руки в кружевных манжетах, и тихий шепот называл его по имени — «Лэн, Лэн, Лэн» — именем, которого он не знал.

Порой кошмары были тоньше и страшнее. Он видел горящий Винсенторов, но не тот пожар, что забрал его семью, а новый. Он стоял перед пылающим домом и видел в окнах не тени родителей и сестры, а себя самого — молодого, красивого, равнодушного, который с той самой наглой улыбкой поворачивал ключ в замке, запирая их внутри. Он просыпался с криком, застрявшим в горле, с лицом, мокрым от слез, которых не помнил.

Но самым частым и самым пронзительным был сон о беге. Он бежал по бесконечному коридору особняка Кроули, а сзади, мягко ступая, его преследовала огромная, бесформенная тень. Он не знал кто это, но от этой тени веяло такой древней, безразличной злобой, что кровь стыла в жилах. Он добегал до двери, распахивал её и видел себя — но себя со спины. А тот, другой Алэн, оборачивался, и у него были яркие, золотые, всевидящие глаза леди Кроули. И он улыбался.

Каждое такое утро он просыпался в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем. Комната была пуста и тиха. На прикроватном столике лежала булавка. И первым порывом, прежде чем осознать себя, была дикая, животная тяга надеть её, чтобы избавиться от ужаса, чтобы вернуть то ложное, но такое желанное чувство защищённости и ясности.

Однажды утром, глядя на своё осунувшееся лицо в зеркале, он понял страшную правду. Он не просто продал душу. Он отдал ее в рассрочку. Покупательница приходила за ней по частям, каждую ночь, в его же собственных снах, вытравляя из него прошлое и перекраивая будущее. Внезапное изобилие было лишь приманкой, золотой клеткой, в которую он так радостно залетел. А дверца захлопнулась в ту самую секунду, когда игла булавки впервые впилась в его кожу. Теперь он был привязан к ней невидимой нитью, которая дергала его за сущность, заставляя плясать под чужую дудку, и с каждым днем эта нить становилась все короче.

Дневник Алэна: от XX. XX. XXXX «Сны. Чёрт возьми, эти сны. Я больше не шучу... Я стал тенью собственного существования. Какой изысканный сорт ада для бывшего циника»

Глава 5. В ожидании брожения вина

Леди Изабелла Кроули стояла в своем зимнем саду, и её пальцы, похожие на высохшие стебли, с наслаждением сжимали бархатистый лепесток орхидеи. Цветок тут же почернел и сморщился, словно его коснулось невидимое пламя, но на его месте тотчас же проклюнулся и распустился новый бутон, еще более яркий и порочный. Она наблюдала за игрой лунного света на стеклянном куполе, но не видела его. Её сознание было приковано к тонкой, дрожащей нити, что тянулась из её особняка в сторону обнищавшего Винсентова. Она чувствовала каждую эмоцию своего нового «протеже» так же отчетливо, как собственную — ведь эта нить была буквально пришпиlena к его душе.

Страх. Отвращение. Жажда. Сладострастие от внезапно хлынувшего богатства. И тот липкий, холодный ужас, что окутывал его по ночам. О, это было восхитительно. Настоящее многослойное вино, которое только начинало бродить. И она, знаток и ценитель, смаковала каждый этап.

Она слышала шаги. Каждый шаг отражался звонким эхом от стен богатого дома. Шаги были монотонными, заставляя застыть на несколько мгновений...

Перед её мысленным взором, как это бывало сотни раз за долгие века, вспыхнуло пламя. Не метафорическое, а самое что ни на есть настоящее.

Она снова была там — запертая в своей комнате в дальнем имении. За дверью слышались крики, грубые мужские голоса. Пахло дымом.

«Леди ! Откройте! По приказу лорда !»

Она прижимала к груди спящего ребенка, её маленького мальчика с светлыми, как лён, волосами. Её сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Она молилась — тем богам, в которых когда-то верила. Но в ответ слышала лишь треск пожираемого огнём дерева и тяжёлые удары в дверь.

Дверь поддавалась с грохотом. В проёме стоял Чарльз Локвуд, тогда ещё молодой офицер, с лицом, искажённым не то решимостью, не то ужасом.

«Отдайте ребёнка, леди», — его голос дрогнул.

«НЕТ!» — её собственный крик был хриплым, звериным. Она прикрывала сына телом. «Он ни в чём не виноват!»

Но Чарльз был сильнее. Он рванул её за руку, оттаскивая от кровати, где мирно посапывал малыш. В этот момент с оглушительным рёвом обрушилась балка, преградив путь к колыбели. Пламя взметнулось к потолку, поглощая ту часть комнаты.

«ОН ТАМ! ВЫТАЩИ ЕГО!» — она вцепилась в мундир Чарльза, но он, не глядя ей в глаза, с силой потащил её к окну, в пролом, ведущий в ночь.

Последнее, что она видела, прежде чем потерять сознание, — это ярко-оранжевый зарево, пожирающее всё, что она любила.

Дверь в сад бесшумно отворилась. Вошёл Харгрейв. Он не был похож на того пустоголового слугу, что встречал гостей у входа. Этот был высок, сух, и его лицо, несмотря на классические черты, казалось высеченным из старого, пожелтевшего мрамора. В глазах, цветом напоминающих мокрый сланец, не было ни капли жизни, лишь глубокая, бездонная усталость. Он не был человеком уже несколько столетий, но его собственный контракт ещё не был исполнен до конца.

«Он опять плохо спал, госпожа», — произнес Харгрейв. Его голос был ровным и монотонным, словно скрип переворачиваемой страницы в древнем фолианте.

Изабелла не повернулась. Уголки её губ дрогнули в подобии улыбки. Ей не нужны были доклады, чтобы знать это; она чувствовала всплески адреналина в крови Алэна, как свои собственные.

«Его сны становятся всё ярче. Он бежит. Но бежит не просто от тени. Он бежит от меня. От того, чем он становится. Это превосходно. Страх — это специя, которая делает конечную жертву такой... насыщенной. Предыдущий, тот художник, сломался слишком быстро. Его душа оказалась пресной, почти безвкусной».

«Он носит булавку. Постоянно. Даже во сне сжимает её в руке», — доложил Харгрейв, сливаясь с тенью высокой пальмы.

«Естественно. Она не просто даёт ему ложное чувство защищённости. Она — канал. Через неё я могу чувствовать его, подпитывать его иллюзии и... подкармливать его страхи. Он уже не может без неё. Это физиология, Харгрейв. Голод, который сильнее разума». Она наконец обернулась, и её золотые глаза холодно сверкнули в полумраке. «Что с его жизненной силой? Я не чувствую истощения».

Харгрейв сделал едва уловимый жест рукой, и в воздухе между ними на мгновение возникло слабое, изумрудное сияние, похожее на дрожащий огонёк. Это был не просто свет — это была визуализация самой сущности Алэна, которую Харгрейв, как управитель хозяйства, мог считывать с магических токов, протекающих по дому.

«Стабильно сильная. Насыщенная. Гордость и тщеславие — отличные катализаторы. Они подпитывают его, не дают сломаться слишком быстро. Но начинается неизбежное брожение. Сомнения. Отчаяние. Они необходимы для... очистки души от всего лишнего. От той шелухи, что мешает почувствовать истинный вкус».

Изабелла кивнула, удовлетворённо. Она подошла к небольшому столику из чёрного дерева, на котором стоял хрустальный графин с тёмно-рубиновой жидкостью. Она налила немного в бокал. Это не было вино. Это был дистиллят, концентрат жизненной силы, взятый у прошлого «протеже» — того самого художника. Запас, который поддерживал ее, пока зрело новое, более качественное «вино».

«Молодость... — прошептала она, глядя на жидкость, в глубине которой плескались отсветы давно угасших эмоций. — Они так ею расточают. Тратят на глупые амбиции и мимолётные увлечения. Не ведая, что это единственная валюта, имеющая значение в этом мире и в следующих».

«Этот интереснее, госпожа, — констатировал Харгрейв. — Больше огня. Больше сопротивления. В его узоры есть сталь».

«Именно поэтому он не сломается. Он будет бороться. Он будет ненавидеть себя за свою слабость, за свою зависимость. Он будет цепляться за свою гордость до самого конца. Он будет считать, что переигрывает меня, даже когда я буду вести его на поводке. И в момент, когда он окончательно осознает, что его воля, его борьба, его ненависть — всё это было частью моего плана... вот тогда его дар станет поистине добровольным. Абсолютное отчаяние — это тоже форма добровольности». Она сделала глоток, и на мгновение её черты стали чуть менее резкими, а кожа — чуть более упругой. Эффект был мимолётным, как вспышка молнии, и тут же исчез, стоило ей поставить бокал. Подпитка была слабой; запас подходил к концу.

«Сроки?» — спросил Харгрейв, хотя прекрасно знал ответ. Он задавал этот вопрос ритуально, как часть их векового диалога.

Изабелла рассмеялась. Звук был сухим, как шелест опавших листьев.

«Сроки? У нас, мой старый друг, есть только время. Но мое терпение не безгранично. Я ждала столетия. Я могу подождать ещё несколько лун, пока вино не достигнет совершенства. Пусть наслаждается своим внезапным богатством. Пусть думает, что он всё контролирует. Чем выше он взлетит на крыльях этой иллюзии, тем больнее будет падение. И тем слаще будет его крах».

Она подошла к стеклянной стене и смотрела в ночь, но видела не Лондон, а далёкое прошлое, когда её кожа была упругой, а сердце — тёплым. Теперь же в груди у неё была лишь холодная, ненасытная пустота, которую могла заполнить только жизненная сила, добровольно отданная в момент наивысшего отчаяния и... обожания. Да, он должен был обожать её. Ненавидеть и обожать одновременно, как обожают палача, ставшего смыслом существования. В этом был ключ к самой мощной магии.

«Следите за ним, Харгрейв. Но не приближайтесь. Пусть думает, что его кошмары — это лишь игры разума. И... подготовьте библиотеку. Скоро ему станет любопытно. Он начнёт искать ответы. И мы их ему предоставим. Те, что нам нужны. Пора начинать его настоящее обучение. Пора показать ему, что такое тьма, и научить его ходить по ней».

Харгрейв склонил голову в безмолвном поклоне. Изабелла усмехнулась: его движения были выверены, лишены малейшего намека на эмоцию. Она смотрела на него, и это совершенное, вымороженное послушание до сих пор доставляло ей тонкое, холодное удовольствие.

Она вспомнила, каким он был до того, как стал шедевром ее мести: красивый, надменный, трусливый. Он стоял перед ней на коленях, молил, рыдал. Сначала она подарила ему недели агонии, заставив прочувствовать всю боль, которую он причинил. А потом... потом она выскоблила его душу догола, оставив лишь идеальную оболочку для вечной службы. «Ты отнял у меня все, — вспомнила она свои слова. — Теперь ты будешь служить тому, что уничтожил».

— Следите за ним, Харгрейв, — сказала она вслух, и ее голос прозвучал как привычный приговор. — Но не приближайтесь.

Ещё один поклон и он растворился в тени, словно его и не было

Изабелла осталась одна. Она подняла руку и внимательно разглядывала её при лунном свете. Старая, покрытая прожилками кожа, тонкая, как папирус. Скоро... Скоро она снова будет молодой. И Алэн Винсент Пери, её прекрасный, гордый, надменный Алэн, станет той самой ценой, которую она с таким наслаждением заплатит. Она снова улыбнулась, и в этот раз улыбка была полна древнего, безжалостного голода. Ожидание было частью удовольствия, но финал обещал быть восхитительным.

Глава 6. Позолоченная клетка

Алэн Винсент Пери больше не узнавал своего отражения. Не черты — они оставались прежними, даже отточенными новым достатком, — а тень, поселившуюся в глубине некогда насмешливых глаз. Она была неотступной, как прилипшая паутина. Блестящие вечеринки, на которые его когда-то жаждали приглашать, теперь вызвали нервную дрожь. Слишком много людей, слишком много взглядов. Ему повсюду чудился тот сладковатый запах тления из особняка Кроули или безжизненные лица ее слуг.

Винсенторов преображался. Исчезли следы запустения, залы наконец прогревались, на столах сверкало отполированное серебро. Но для Алэна это великолепие стало похоже на позолоченную клетку. Каждый предмет, каждая монета напоминали ему о цене, которую он заплатил. И о той, которую еще предстояло заплатить.

Центром его вселенной, проклятым талисманом, стала булавка. Он ненавидел ее лютой, животной ненавистью. Каждое утро, вонзая иглу в ткань, он чувствовал, как по телу разливается волна ледяного онемения, сменяющаяся ложным, но желанным теплом уверенности. Без нее его охватывала паника — всепоглощающая, иррациональная, словно он оставался без кожи на жестоком ветру реальности.

Однажды ночью, придя в ярость от кошмара, где он, уже в облике кота, лизал руку Изабеллы, он сорвал булавку и швырнул ее в камин. Металл звякнул о решетку. Он стоял, тяжело дыша, с наслаждением наблюдая, как языки пламени лижут ненавистный предмет. «Свобода», — прошептал он.

Но пламя не тронуло булавку. Оно обтекало ее, словно она была заключена в невидимый кокон. Через несколько минут, дрожа от холода и злобы, он протянул руку в огонь и вытащил ее. Металл был ледяным, а сапфир горел изнутри темным, торжествующим огнем. На его пальцах не было ни ожога, ни копоти.

На следующее утро он попытался выбросить ее в Темзу. Зашел на полуразрушенный мост, сжал булавку в кулаке и изо всех сил замахнулся. Но рука не послушалась, застыв в воздухе, будто сведенная судорогой. Мускулы свело такой болью, что он чуть не вскрикнул. В ушах прозвучал сладкий, вкрадчивый голос: «Милый мальчик мой, зачем ты так небрежен с моими подарками?»

Он вернулся домой, побежденный, с булавкой, крепко зажатой в потной ладони. Он запирает ее в шкатулке, закапывал в саду, прятал под половицей. Но всегда, в течение часа, находил — лежащей на ночном столике, воткнутой в подушку или просто в кармане сюртука. Она всегда возвращалась. Как проклятие. Как часть его самого.

Именно это бессилие, эта магическая удавка на его воле, заставили его перейти от паники к холодному, методичному исследованию. Если он не мог избавиться от булавки, он должен был понять, что она такое. И кто такая женщина, которая ее подарила.

Он начал со светских сплетен. Находясь в гостях, он ловко направлял разговор на старинные семьи, на маркизу Кроули. Отклики были всегда одни и те же: восхищение ее богатством, намеки на эксцентричность и — неизменное, затухающее вполголоса — упоминание о ее прежних фаворитах, бесследно исчезнувших.

«Ах, леди Кроули! — говорила одна пожилая дама, помахивая веером. — Ее род один из самых древних. Говорят, еще при Тюдорах они были в фаворе. И все ее предки отличались... необычайным долголетием. И странной привязанностью к молодым, светловолосым спутникам».

«Она коллекционер, — добавлял другой светский лев. — Коллекционирует искусство, древности и... красивые лица. Вам повезло, Пери. Только... будьте осторожны. Говорят, ее коллекция имеет обыкновение пополняться, а старые экспонаты... куда-то исчезают».

Эти намеки лишь подливали масла в огонь. Он рылся в городских архивах, просматривая старые газеты. Упоминания о леди Кроули встречались регулярно. Но всякий раз, когда в светской хронике мелькало имя того или иного ее молодого протеже, через несколько месяцев упоминания о нем прекращались. Вместо них появлялись короткие заметки: «Лорд Эштон отбыл в длительное путешествие по Востоку», «Талантливый художник Фаберж решил продолжить обучение в Италии». Никаких подробностей. Никаких писем. Никаких возвращений.

Отчаяние гнало его дальше. Он нанял частного сыщика, человека с потрепанным лицом. Тот взял предоплату и исчез. Через два дня Алэн получил анонимную записку: «Оставьте эти расспросы. Некоторые глубины лучше не тревожить. Ваш долг оплачен. Больше не ищите меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.